

ОГОНОЖЬ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
въ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 18

Пятница, 4 (17) мая 1901 г.

№ 18

Г. Падеревскій.

Падеревскій воскресъ. Какой-то шутникъ пустилъ слухъ, что знаменитый виртуозъ-композиторъ лишилъ себя жизни. Этому слуху повѣрили, кое-гдѣ, воспроизвели его портретъ, многіе пожалѣли, многіе поплакали. И вдругъ оказывается, что Падеревскій не только не умеръ, но даже не болѣлъ, и благополучно объѣзжаетъ города Западной Европы, гдѣ попрежнему чаруетъ дивною игрой своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Еще на-дняхъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы присутствовать на постановкѣ его новой оперы!

Впрочемъ, курьезовъ вообще было не мало въ жизни Падеревскаго. Въ Варшавѣ, Падеревскій бывалъ въ домѣ одного писателя, восторженнаго поклонника Моцарта. Бесѣдая съ талантливымъ пианистомъ о новѣйшихъ представителяхъ музыкальнаго искусства, писатель какъ-то замѣтилъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ даже приблизиться къ Моцарту. Падеревскій только пожалъ плечами. На слѣдующій день онъ снова явился къ другу и, усѣвшись за рояль,—сказалъ:

— Сыграю вамъ одну вещь Моцарта, которой, кажется, вы не знаете.

И съ этими словами онъ сыгралъ менуэтъ. Писатель былъ въ восторгѣ и воскликнулъ:

— Видите? Скажите теперь сами, можетъ кто-либо изъ нынѣшнихъ написать нѣчто подобное?

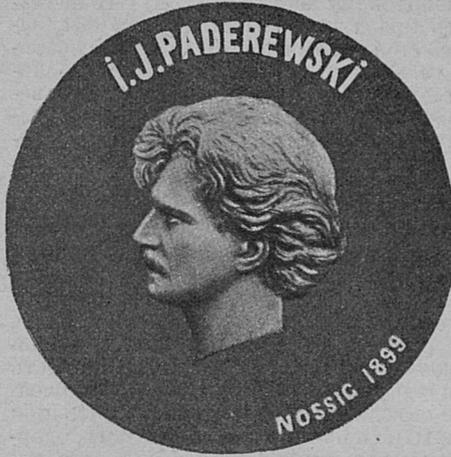
— Не только можетъ, но уже написалъ.

-- Какъ такъ?

— А просто: этотъ менуэтъ—мой...

Въ началѣ своей артистической карьеры Падеревскій былъ приглашенъ однажды въ Парижѣ къ одному аристократу, игравшему большую роль въ политической дѣятельности Франціи. Графъ просилъ его сыграть кое-что у него на вечерѣ, но во время разговора даже не попросилъ виртуоза присѣсть. Падеревскій не далъ опредѣленнаго отвѣта и на слѣдующій день прислалъ графу записку слѣдующаго содержания: „Изъ того, какъ вы меня приняли, я вывожу заключеніе, что вы заставите меня на вашемъ вечерѣ играть стоя. Въслѣдствіе этого долженъ отказаться отъ вашего приглашенія“.

Еще болѣе рѣзко отнесся Падеревскій къ другому аристократу. Князь Р., подъ предлогомъ покровительства художникамъ, только эксплуатировалъ ихъ, заставляя безвозмездно играть въ концертахъ, устраиваемыхъ имъ съ благотворительной цѣлью. Когда же Падеревскій самъ устроилъ однажды благотворительный концертъ и пред-

ложилъ билетъ князю, послѣдній отказался. „Не знаю,—писалъ ему послѣ этого Падеревскій,—что мнѣ думать о вашемъ поведеніи: недостойно-ли оно такого лица, какъ Р., или, наоборотъ, достойно“.

Любопытно, какъ отнесся Рубинштейнъ къ Падеревскому. Оба виртуоза-композитора встрѣтились однажды у одного берлинскаго музыкальнаго издателя—Бока,—который только передъ тѣмъ выпустилъ въ свѣтъ первое произведеніе Падеревскаго. Лицо молодого композитора, окаймленное рыжими волосами, бросилось въ глаза Рубинштейну, и онъ спросилъ у Бока, кто это.

— Это—начинающій композиторъ,—отвѣтилъ Бокъ, счастливый тѣмъ, что Рубинштейнъ обратилъ вниманіе на его протеже.

— А, мнѣ хотѣлось бы его послушать. Пусть онъ что-нибудь сыграетъ.

Падеревскій исполнилъ нѣкоторыя изъ своихъ вещей. Рубинштейнъ былъ въ восторгѣ.

— Да,—воскликнулъ онъ,—это—хорошо, это—ново. Но сыграно неважно. Вы играете, какъ композиторъ. Вамъ нужно лучше играть.

Однако, Падеревскій не удовлетворилъ строгихъ требованій Рубинштейна и послѣ того, какъ воспользовался его совѣтомъ. При дальнѣйшихъ встрѣчахъ съ молодымъ композиторомъ Рубинштейнъ уже былъ гораздо сдержаннѣе. А когда

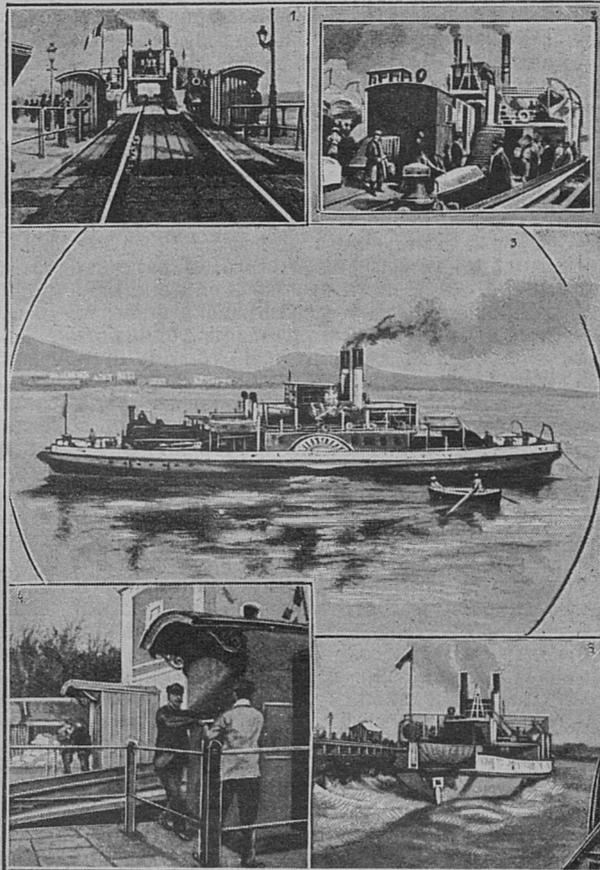
послѣ первыхъ успѣховъ Падеревскаго въ Америкѣ ему предложили также предпринять артистическое турнѣ по Америкѣ, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ужъ увольте. Въ моемъ возрастѣ я не могу себя красить волосы.

Удивительно, что артистическо-музыкальной дѣятельностью Падеревскаго были недовольны многіе помимо Рубинштейна. Такъ, извѣстный Гансъ Рихтеръ демонстративно вышелъ однажды изъ залы (дѣло происходило въ Лондонѣ) во время концерта Падеревскаго и потомъ объяснилъ свой поступокъ любовью къ виртуозу и желаніемъ принести ему пользу.

— Я не могъ досидѣть до конца,—сказалъ онъ.—Человѣкъ съ такимъ крупнымъ композиторскимъ талантомъ беретъ угнетать концертную эстраду вмѣсто того, чтобы писать новыя, хорошія вещи! Развѣ это не возмутительно?

Во всѣхъ этихъ упрекахъ справедливо только то, что у Падеревскаго крупныя композиторскія способности. Онъ началъ писать еще въ молодости, и первымъ произведеніемъ его былъ именно тотъ менуэтъ, о которомъ упомянуто выше. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ фортепьянныхъ вещей, смѣнившійся извѣстнымъ концертомъ для фортепьяно, сонатой для скрипки и „польской фантазією“. Падеревскій написалъ также не мало пьесенъ. Въ послѣдніе годы онъ, правда, ничего не выпустилъ въ свѣтъ, но работатъ все-таки продолжалъ, особенно

Пароходы-поездовозы въ Мессинскомъ проливѣ.

1. Подвижной мостъ. 2. Посадка пассажировъ. 3. „Сцилла“—поездовозъ. 4. У рычага. 5. Отходъ.

надъ музыкальною драмою, составляющею переворотъ въ его композиторской дѣятельности.

Работа дается Падеревскому съ большимъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Шопена, который не разъ приходилъ въ отчаяніе, вследствие невозможности выразить ту или другую музыкальную идею именно въ той формѣ, въ которую ему хотѣлось бы облечь ее. Но въ то время, когда Шопенъ поплатился за свое творческое усердіе здорověемъ, Падеревскій жаловался на здорověе не можетъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что организмъ Падеревскаго былъ крѣпокъ, и къ тому же условія, при которыхъ онъ работаетъ, болѣе благоприятныя. У него великолѣпная вилла на берегу Женевского озера, и онъ часто, послѣ утомительной работы, выходитъ на террасу, откуда открывается чудесный видъ на голубой просторъ неба, глядящагося, какъ въ зеркало, въ свѣтлыя воды. На этой же виллѣ красуются многочисленные подарки, полученные Падеревскимъ въ Европѣ и Америкѣ. Особенно любить онъ проводить время въ своихъ садахъ и виноградникахъ. Потомокъ дворянъ-землевладѣльцевъ, онъ съ ранняго возраста пристрастился къ сельскому хозяйству, въ которомъ и теперь еще часто ищетъ отдыха отъ творческой работы или продолжительныхъ поѣздокъ.

Врачъ—оригиналъ.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ умеръ въ Парижѣ врачъ, который, пользуясь своими болѣзнями въ разрывъ со всѣми правилами научной медицины и элементарной логикой, имѣлъ огромную практику и былъ постояннымъ врачомъ выдающихся литераторовъ, дипломатовъ и финансистовъ Парижа. Фамилія этого знаменитаго врача — Груби. Онъ родился въ 1809 году и былъ сыномъ бѣднаго еврейскаго крестьянина изъ Южной Венгрии. Когда онъ подростъ, отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него хорошаго земледѣльца, но сынъ стремился къ образованію и рѣшилъ ухѣхать изъ дому, попробовать счастья. Тогда отецъ далъ ему на дорогу 50 крейцеровъ (около 40 коп.) и позволилъ ему идти, куда глаза глядятъ. Въ Будапештѣ юноша добывалъ себѣ пропитаніе поденщиной, а досугъ посвящалъ—книгѣ. Послѣ долгихъ лишений и разочарованій онъ приобрѣлъ достаточно знаній, чтобы поступить въ университетъ. Онъ переехалъ тогда въ Вѣну и зачислился на медицинскій факультетъ. Онъ жилъ здѣсь въ страшной нуждѣ и въ постоянномъ знакомствѣ съ судебнымъ приставомъ. Въ 1839 году ему удалось сдать экзаменъ на доктора медицины. Кончивъ курсъ, онъ сталъ читать частнымъ образомъ анатомію и физиологію и настольно успѣшно, что ему предложили кафедру въ университетѣ, но съ условіемъ, что онъ долженъ выкреститься. Груби отклонилъ это предложеніе и оставилъ Австрію, надѣясь найти страну съ болѣе либеральными воззрѣніями. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ онъ переѣхалъ въ Парижъ и открылъ тамъ въ 1841 г. лабораторію физиологической и патологической анатоміи, гдѣ онъ, первый во Франціи, примѣнялъ фотографированіе микроскопическихъ препаратовъ. Знаменитые ученые Клодъ Бернаръ и Можанди были его учениками. Онъ не мало сдѣлалъ новаго и полезнаго въ области медицины, напр. онъ первый ввелъ въ хирургию вату, вмѣсто корпии, и т. д. И во Франціи его стремленія къ профессурѣ не увѣнчались успѣхомъ по той же причинѣ, что и въ Австріи. Тогда въ жизни д-ра Груби наступаетъ переворотъ: онъ бросаетъ и чуку

и начинаетъ заниматься одвой только частной практикой. Очень скоро болѣзнь повалили къ нему толпой, не только низшій классъ, падкій до всякихъ чудесъ, но и люди стоявшіе во главѣ умственнаго движенія: онъ лечилъ Гейне, Жоржъ Зандъ, маршала Макъ-Магона, Александра Дюма, Альфонса Доде, Амброазъ Тома, Шопена, Листа и другихъ корифеевъ литературы и искусства. Его способъ леченія былъ очень страненъ и курьезенъ, каждому больному онъ назначалъ что-либо особенное, и при томъ непременно фантастичное. Мы опишемъ здѣсь нѣсколько изъ наиболѣе интересныхъ его рецептовъ. Одному больному онъ приказывалъ ходить ежедневно отъ Бастиліи до улицы Маделенъ и черезъ каждыя 68 шаговъ разгрызать по одному виноградному зерну. Другому онъ назначалъ 3 раза въ день стоять на обѣденномъ столѣ въ теченіе 7½ мин. и изгибаться то впередъ, то назадъ. Одинъ больной долженъ былъ, по его предписанію, вечеромъ съѣдать два сырыхъ яйца, посыпавъ каждое изъ нихъ 47 крупинками соли. Другой долженъ становиться на голову и нѣсколько секундъ стоять вверхъ ногами. Еще другой долженъ ползать на ч тверенкахъ. Иной — ежедневно ходить по своей спальнѣ 580 шаговъ въ ширину и 2,010 шаговъ въ длину спальни и точно соблюдать эти цифры. Иной долженъ питаться въ теченіе цѣлаго мѣсяца дичью, которую онъ самъ застрѣлитъ. Одной малокровной барышнѣ онъ предписалъ каждую ночь вѣшать надъ своей кроватью свѣжій свиной окорокъ и спать при открытыхъ окнахъ. Богатой дамѣ, одержимой отдышкой. Груби совѣтовалъ ночью спать въ мѣшкѣ, наполненномъ разными травами, ровно въ 12 часовъ ночи встать, спечь булку извѣстной величины и сейчасъ съѣдать ее. Слабонервному больному онъ совѣтовалъ нанять квартиру въ пятомъ этажѣ изъ четырехъ комнатъ, обращенныхъ на юго-западъ, и оклеить ихъ обоями зеленого цвѣта, но непременно съ особыми отѣнками для каждой комнаты и особыми рисунками. Все, квартиру и обои, пациентъ долженъ отыскать самъ. Когда этотъ больной черезъ 4 недели послѣ точнаго исполненія приказаній явился къ д-ру Груби, онъ оказался совершенно выздорověвшимъ. Но самое фантастическое предписаніе было слѣдующее. Очень богатой старухѣ, страдавшей болями въ области желудка, онъ предписалъ пребывать всю жизнь на пароходѣ, дѣлающемъ рейсы по Ронѣ между Лиономъ и Авинономъ, и ѣсть не иначе, какъ подъ музыку и ей въ тактъ.

Александръ Дюма самъ рассказываетъ, что, страдая безсонницей, онъ однажды обратился къ д-ру Груби. Груби ему приказалъ непременно ѣхать поѣздомъ, отходящимъ въ 4 ч. 40 мин. послѣ обѣда отъ ст. Лазарскаго вокзала въ Версаль и обратно, и увѣрилъ его, что на обратномъ пути онъ непременно заснетъ. Дюма считалъ это назначеніе бессмысленнымъ и ушелъ сердитый. Но когда онъ на слѣдующій день, около 4-хъ час., прошелъ мимо вокзала, то не выдержалъ, и побѣжалъ въ Версаль; на обратномъ пути онъ заснулъ богатырскимъ сномъ, такъ что кондукторъ долженъ былъ его разбудить въ Парижѣ.

Этотъ краткій перечень предписаній д-ра Груби вполне достаточенъ, чтобы выяснитъ причину того громаднаго успѣха, которымъ онъ пользовался среди пациентовъ. Тутъ, прежде всего, дѣйствовало внушеніе (т. наз. гипнозъ въ состояніи бодрствованія), которымъ онъ владелъ мастерски и которое приобрѣло сверхъестественное значеніе, благодаря паразитной странности его назначеній. Вотърыхъ, дѣйствовали обыкновенныя дѣтскія и гигиеническія правила, какъ движеніе, умѣренность, регулярный трудъ и т. д.; эти же правила навѣрное без-

успѣшно были предписаны его пациентамъ и другими врачами, но дѣйствительно примѣнялись съ точностью болѣзными Груби благодаря фантастичнымъ и мистическимъ прибавленіямъ и снадобьямъ.

Груби никогда не затруднялся въ совѣтахъ: для каждаго онъ имѣлъ особое назначеніе, котораго онъ никогда уже не повторялъ. Если д-ръ Груби иногда прописывалъ и лекарства, то довольствовались болѣею частью какой-нибудь ароматической водою съ аравійской камедью. Онъ писалъ рецепты только по-латыни (во Франціи рецепты пишутся по-французски) и неразборчиво, чтобы больной не понималъ ихъ содержанія.

Обстановка квартиры Груби была явно рассчитана на то, чтобы производить эффектъ на больныхъ. Въ его квартирѣ былъ изумительный безпорядокъ, въ пріемной стулья завалены книгами, рукописями и сушеными растеніями, такъ что болѣзнь должны были стоять за неимѣніемъ мѣста. Даже окна были завалены разными вещами, и въ комнатѣ царилъ полумракъ. По всѣмъ угламъ пріемной стояли скелеты людей и животныхъ, близъ оконъ—экзотическія растенія. Карета, въ которой онъ навѣшалъ больныхъ, была устроена по его плану и производила странное впечатлѣніе. Представьте себѣ закрытый экипажъ безъ боковыхъ оконъ, но съ отверстиемъ для свѣта въ крышѣ; въ случаѣ надобности, Груби просовывалъ голову черезъ отверстие и давалъ наставленіе кучеру, куда ѣхать. Въ свободные отъ пріема часы онъ занимался изготовленіемъ разныхъ инструментовъ для измѣренія времени и пространства и опытами надъ экзотическими растеніями. На высотѣ Монмартра въ Парижѣ онъ построилъ астрономическую и метеорологическую обсерваторію, гдѣ большинство инструментовъ было выдуманно и изготовлено имъ самимъ. Директоръ этой обсерваторіи, котораго Груби содержалъ на жалованьи, долженъ былъ ежедневно и ежемесячно издавать бюллетени о погодѣ и разсылать ихъ по всѣмъ метеорологическимъ обсерваторіямъ. Д-ръ Груби занимался также часовымъ ремесломъ. У профессора Бланшара въ Парижѣ и теперь имѣются часы, сдѣланные самимъ Груби и заводимые разъ въ 3 года. Груби, кромѣ того, избрѣлъ разныя повозки и палатки для больныхъ, которыя получили награду на всемирной парижской выставкѣ 1889 г. Часть своего громаднаго богатства онъ употребилъ на поддержку разныхъ благотворительныхъ обществъ и учреждений.

Больше 50 лѣтъ Груби занимался врачебной практикою, пока въ 1899 г. его не оставили силы, и онъ долженъ былъ отказаться отъ своей плодотворной дѣятельности. Умеръ онъ, 89 лѣтъ, въ концѣ ноября 1899 года. Какъ и его жизнь, странна и фантастична была его смерть. Когда Груби почувствовалъ, что силы его убываютъ, онъ изъявилъ желаніе умереть одинъ, безъ свидѣтелей, и далъ по этому поводу строгія наставленія своей прислугѣ. Разъ утромъ прислуга нашла его пріемную и спальню закрытыми на ключъ; когда она оклинула хозяйина, онъ отвѣтилъ очень слабымъ голосомъ, а черезъ нѣсколько часовъ все смолкло. Прислуга ждала согласно приказанію Груби 24 часа, потомъ призвала полицію, которая выломала двери. Груби лежалъ мертвый на полу въ спальнѣ, въ которую при его жизни никто не смѣлъ входить. Въ комнатѣ царилъ невообразимый хаосъ, на полу лежала цѣлая гора разныхъ подушекъ, которыя служили покойному постелью. Умеръ Груби естественной смертью отъ старческой слабости.

Выдѣляясь недожиннымъ, оригинальнымъ умомъ, необыкновенной энергіей и

феноменальной творческой фантазией, Груби снискалъ себѣ неограниченное довѣріе и уваженіе со стороны многочисленныхъ пациентовъ, которыхъ онъ вылечилъ, въ средѣъ врачей онъ слылъ шарлатаномъ и знахаремъ. Но Груби не заслужилъ этой клички уже потому, что у него были и научное образованіе, и научное прошлое. Священная обязанность врачей помогать страждущему человечеству не исключаетъ примѣненія всякихъ средствъ, развѣ они ведутъ къ цѣли, хотя бы эти средства и не были признаны научной медициной, и не преподавались бы въ клиникахъ.

Большинство изъ больныхъ Груби принадлежало къ категоріи меланхолическихъ, переутомленныхъ и разочарованныхъ людей; они безуспѣшно перепробовали всея признанныя медицинскими методами леченія, но только оригинальный и фантастическій способъ леченія д-ра Груби дѣйствительно оказалъ имъ облегченіе. Поэтому, отзывы о немъ парижскихъ врачей, по крайней мѣрѣ, не справедливы.

Съ психологической точки зрѣнія, д-ръ Груби больше всего приближался къ типу „сумасшедшаго гениа“, какъ рисуетъ его Ломброзо въ своемъ сочиненіи „Геній и помѣшательство“.

Д-ръ К.

Королева Викторія въ мемуарахъ ея современника.

Обычная исторія. Едва затихъ оглушительный гулъ голосовъ, произносившихъ хвалебныя рѣчи почившей монархини, разсыпался дымъ и чадъ пушечныхъ салютовъ новому монарху, какъ начинается уже историческая реакція. То здѣсь, то тамъ звучать голоса, указывающіе на слабыя стороны минувшаго царствованія, на промахи въ политической системѣ, на личныя несовершенства покойной королевы. Въ лѣтописяхъ помѣщается новая страница, и одна строка за другой заполняютъ ее. Къ числу первыхъ строкъ надо отнести воспоминанія о королевѣ Викторіи, которыя принадлежатъ, повидимому, перу близкаго къ придворнымъ сферамъ человѣка. Въ нихъ мы находимъ многолюпытнаго о матери Эдуарда VII, и въ общемъ, несмотря на отдѣльныя не симпатичныя черты, она представляется намъ привлекательной, умной, проницательной женщиной, но далеко не той, какой ее изображали некрологи. Остановимся на отдѣльныхъ эпизодахъ изъ жизни Викторіи. Ея отношенія, напр., къ Гладстону всегда возбуждали недоумѣніе въ высшемъ обществѣ. Королева не терпѣла этого великаго государственнаго дѣятеля. Такую неприязнь, главнымъ образомъ, породила въ Викторіи твердая увѣренность, что Гладстонъ старается ей навязать обязанности и заботы, которыя должны бы лежать исключительно на немъ, а не на ней. Гладстонъ поступалъ такъ, быть можетъ, отъ излишняго служебнаго рвенія, но королеву это выводило изъ себя; неоднократно она дѣлала ему серьезныя замѣчанія, но тотъ упорно держался своей системы, и отношенія между нимъ и Викторіей становились все болѣе натянутыми. Совершенно другой тактикѣ слѣдовалъ Биконсфильдъ, пользовавшійся неизмѣннымъ расположеніемъ королевы. Онъ обладалъ неочыннымъ талантомъ поддерживать въ ней бодрость, веселое настроеніе. Биконсфильду зато прощались такіе проступки противъ этикета, которые инымъ бы дорого обошлись. Онъ никогда не стѣснялся и, въ присутствіи Викторіи, высказывалъ самыя рѣзкія сужденія въ самыхъ неподходящихъ выраженіяхъ. Но, съ другой стороны, Биконсфильдъ преклонялся предъ умственнымъ превосходствомъ ко-

ролевы и умѣлъ ей льстить. Когда среди обѣда премьеръ внезапно подымался и, провозглашая тостъ за королеву Индію, произносилъ напыщенную рѣчь, восхваляя ее въ цвѣтистыхъ оборотахъ чисто восточнаго краснорѣчія, онъ всегда могъ рассчитывать на ласковую улыбку и благодарный взглядъ Викторіи. Она любила бесѣдовать съ Дизраэли и почитала его самымъ остроумнымъ и занимательнымъ человѣкомъ, какого только ей приходилось встрѣчать. — Она рѣдко и неохотно говорила о своихъ родственникахъ связяхъ съ Ганноверомъ. Зато Стюарты имѣли въ ней самую пламенную поклонницу. Карлъ I былъ ея идеаломъ, и даже о Яковѣ II она не позволяла отзываться неодобрительно. Она боготворила Марію Стюартъ и презирала, поэтому, Елисавету, хотя съ послѣдней имѣла много общихъ чертъ — гордость, непопулярную и склонность къ деспотизму. „Быть по сеумъ“ — въ ея устахъ невольно напоминало гонительницу шотландской королевы. Божественное происхожденіе королевской власти было въ ея глазахъ неоспоримымъ принципомъ. При всемъ томъ, еслибы ей предложили изложить свои воззрѣнія на этотъ предметъ письменно и скрѣпить ихъ подписью, она отказалась бы практическое благоразуміе въ ней было сильно. Жестокость, однако, не была свойственна Викторіи; для этого она обладала слишкомъ мягкимъ сердцемъ. Она обладала также изумительнымъ чувствомъ такта и умѣла хорошо играть, скрывая свое истинное настроеніе. Въ Парижѣ еще не забыли ея посѣщенія 1855 года. О ней ничего не знали. „Къ намъ ѣдетъ королева Мабъ“, — вотъ все, что слышали парижане. Она сумѣла покорить капризныхъ жителей французской столицы. Ея эффектное появленіе въ оперѣ, граціозная, непринужденная веселость, ласковые поклонныя публикѣ и манера держаться, которой позавидовала бы самая искусная актриса, — затмили даже императрицу Евгению, а это было нелегко. — Викторія не слишкомъ любила литературу и искусство. Любимымъ писателемъ ея былъ неизмѣнно Вальтеръ Скоттъ. Позднѣйшіе авторы не интересовали ее. Случалось, что ея лектрисы принимались за какой-нибудь новый романъ, и радостная вѣсть достигала автора: — королева читаетъ вашу книгу! Но на третьей страницѣ книга летѣла въ уголь, и ужъ не возвращалась оттуда. Позировать для портрета она не любила. „Я выхожу всегда уродомъ“ — жаловалась королева. Она охотно бывала въ оперѣ, особое предпочтеніе отдавала „Карменъ“ и композиціямъ Жильберта и Сюлливана. — Требования этикета соблюдалась ею съ необычайнымъ педантизмомъ. Въ Виндзорѣ передъ каминомъ въ залѣ лежалъ коверъ, и это мѣсто почиталось чуть-ли не священнымъ. Только самыя высокопоставленныя особы могли ступить по нему. Поэтѣ лорду Бульверу случилось обѣдать въ Виндзорѣ. Когда встали изъ-за стола, онъ направился въ залъ, съ любопытствомъ разглядывая его украшенія. Королева спокойно слѣдила за нимъ. „Ради Бога“, прошептала она, наконецъ, своимъ приближеннымъ — „займите вы чѣмъ-нибудь этого господина. Еще минута, и онъ пойдетъ по моему ковра“.

МОПАСАНЪ И АНТИПИРИНЪ.

Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ появились любопытныя воспоминанія о Мопассанѣ. Знаменитый писатель, какъ извѣстно, былъ, вообще, невѣстникомъ, особенно много терпѣлъ отъ головныхъ болей. Если вѣрять автору воспоминаній, Морису Тальмейеру, единственное, что облегчало мученія Мопассана, — былъ антипиринъ. Онъ принималъ его въ большихъ дозахъ и тогда, когда

утомленная мысль отказывалась работать. Тальмейеру пришлось встрѣтиться въ одномъ салонѣ Мопассана, послѣ того, какъ онъ лѣтъ десять его не видалъ. Перемѣна наружности была поразительная. Тонкій рукавъ фрака, казалось, обнималъ пустое пространство — такъ высохли его руки. Подъ изящной сорочкой можно было различить очертанія скелета. Заговорили о мигреняхъ и лучшимъ средствомъ противъ нихъ. „Мигрень, — замѣтилъ Мопассанъ своему собесѣднику, — оней надо меня спросить. Я больше отъ нея страдаю, чѣмъ всѣ присутствующіе взятыя вмѣстѣ; въ концѣ концовъ, она меня втопнитъ въ могилу. Когда мнѣ приходилось работать для „Жиль-Блазъ“ и другихъ ежедневныхъ газетъ, почти каждый Божій день изводила меня невыносимая головная боль. Я принужденъ былъ дѣлать все возможное, чтобы не сойти съ ума и чтобы работать. Разказывали, что я прибѣгалъ къ морфію, эвиру или кокаину. Это правда. Но антипиринъ — вотъ моя смерть. Дѣйствіе его удивительное. Чуть почувствую я приступъ болей, бросаюся на диванъ, принимаю порошокъ — черезъ пять минутъ я опять на ногахъ и могу взяться за перо. Однако, съ теченіемъ времени я съ ужасомъ замѣтилъ, что мнѣ избѣняется память: порой я забываю самыя обыкновенныя слова. Мнѣ надо написать — женщина, дитя, небо, домъ, а этихъ словъ нѣтъ въ головѣ, они исчезли, заглохли, словно инныя клавиши стараго рояля. Все антипиринъ“. — Онъ круто отвернулся и большими медленными шагами пошелъ прочь.

ИСТОРИЯ ДЕНЕГЪ.

Въ концѣ апрѣля извѣстный финансовый и политическій дѣятель лордъ Эвбери прочелъ въ Лондонѣ интересную лекцію по исторіи денежнаго обращенія. Лекторъ отмѣтилъ, между прочимъ, нѣсколько весьма интересныхъ ея моментовъ. Представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ народы, соорудившіе храмы, сфинксовъ и пирамиды, не имѣли денежныхъ знаковъ. Между тѣмъ, этотъ фактъ едва-ли можно оспорить. Въ древности, подѣ такими знаками, надо было разумѣть куски серебра, оцѣниваемые по ихъ вѣсу. „Зекель“ на древнееврейскомъ языкѣ обозначаетъ, именно, мѣру вѣса и въ то же время денежную единицу, какъ на современномъ английскомъ рынкѣ — фунтъ. Самая древняя чеканка монеты, по словамъ Геродота, была у лидійцевъ. Монета временъ Креза — овальной формы и имѣетъ изображеніе лишь съ одной стороны. Портреты английскихъ королей впервые выгиснены на монетахъ эпохи Генриха VII. Долгое время въ Англии было въ обычаѣ оплачивать кусочки браслетовъ и колецъ, при оплатѣ счетовъ. Это называлось „скилингъ“, откуда и произошло слово „шиллингъ“. Любопытно, что въ древности монетамъ придавали форму сабли или изображали на нихъ рубашку. Еще раньше эти предметы, т. е. сабли и сорочки, были, очевидно, главнымъ предметомъ обмѣна. Такъ было въ Китаѣ 410 лѣтъ тому назадъ, т. е. около 2250 года до Р. X. Саблеобразная монета ходила и въ Персіи. Мало-по-малу, клинокъ сталъ укорачиваться, а рукоятъ придавалась круглая форма. Потомъ, въ рукоятъ продѣлали отверстіе, и монеты одѣвались на шнурокъ. Наконецъ, клинокъ и вовсе отпалъ, а монета получила круглую форму, съ отверстіемъ въ серединѣ. Такіе денежные знаки можно и сегодня видѣть въ Китаѣ; ихъ называютъ „кази“. Жители Срединной Имперіи остроумно объясняютъ себѣ форму монетъ: деньги-де должны катиться вокругъ всей земли, и значить имъ надо быть круглыми.

Физическое воспитание младенца.

Кому, как не матери, заботиться о безпомощномъ младенцѣ, облегчать его страданія и лаской, съ незамѣнимой материнской чуткостью отзываться на его крикъ, понимать движенія его ручекъ, его худыхъ ножекъ, которыя не умѣютъ еще ходить, а позже учить ихъ, эти ножки, ступать, одна за одной, совсѣмъ какъ ходить большой человекъ. Трудно сказать, въ какомъ отношеніи ярче сказывается вліяніе матери на ребенка: въ умственномъ или физическомъ. Несомнѣнно одно: тѣло ребенка должно быть предметомъ самаго тщательнаго ухода съ первыхъ минутъ его жизни. И въ самомъ дѣлѣ: впереди вся жизнь, длинный рядъ годовъ; есть много времени, чтобы развить умъ маленькаго человекъ и заронить въ его душу плодотворныя сѣмена вѣры и добра. Но тѣло—оно формируется въ сумеркахъ, на разсвѣтѣ жизни; слѣды материнской небрежности не изглаживаются

1. Невормальное строеніе ушныхъ раковинъ.

шей, мученіемъ для тѣла и души. Вотъ почему вамъ, молодымъ матерямъ, надо выше всего ставить попеченіе о вашемъ малюткѣ, чтобы впоследствии, когда онъ подростетъ, научится понимать окружающія его явленія и свое мѣсто между ними,—чтобы онъ не взглянулъ на васъ съ молчаливымъ упрекомъ и въ глазахъ его, полныхъ слезъ, вы не прочли бы: „зачѣмъ, родная, ты родила меня калѣжкой?“

Калѣжка отъ рожденія, конечно, исключеніе. Большинство дѣтей рождается съ нормальнымъ тѣлосложеніемъ. Но нерѣдки случаи, когда здоровое отъ рожденія дитя, благодаря неосмотрительности или неопытности воспитательницы, приобретаетъ физическіе пороки, и даже лишается извѣстныхъ органовъ. Въ немногихъ строкахъ, наглядно разясненныхъ рисунками, мы хотѣли бы ознакомить читательницу съ тѣми приѣмами, которые, безъ особаго съ ихъ стороны труда, обезпечили бы правильное развитіе дѣтскаго организма. Уродливая форма органовъ слуха и обонянія часто зависятъ единственно отъ того, что ребенокъ въ первые недѣли послѣ рожденія лежалъ въ неестественномъ положеніи, причемъ ухо или носъ подвергались давленію жесткой подушки. Тѣло младенца мягко, какъ воскъ; достаточно такого давленія, чтобы оно приняло ту, а не иную форму. Ушная раковина ребенка должна плотно прилежать къ мягкой подушкѣ, а не заворачиваться внутрь, и на это слѣдуетъ обращать самое серьезное вниманіе. Если же первый моментъ укущенъ и уши приняли ненормальное положеніе, стоять, какъ говорится, торчкомъ, (рис. 1) полезно одѣть младенцу на 5—6 мѣсяцевъ особо приспособленный для этой цѣли капоръ (см. рис. 2) изъ полотняныхъ или резиновыхъ полосъ; этой мѣры обыкновенно достаточно, чтобы возвратитъ ушамъ ихъ правильную форму. Теперь относительно носа. Насмѣшки градомъ сыплются на „безносыхъ“ мальчиковъ со стороны ихъ сверстниковъ; о дѣвочкахъ и говорить нечего, сколько оскорбленнаго самолюбія въ дѣтихъ изъ-за „носовъ-картошкой и пуговкой“. Между тѣмъ, этотъ недостатокъ съ успѣхомъ устраняется своевременнымъ примѣненіемъ массажа (рис. 3: первымъ и указательнымъ пальцемъ мать слегка гладитъ носъ ребенка, сообразуясь, конечно, съ дѣйствительной, и съ желательной—нормальной его формой. Такой приемъ она возобновляетъ нѣсколько разъ въ день. Смотришь, черезъ десятокъ мѣсяцевъ, вмѣсто „пуговицы“—правильный носикъ, хоть и не греческій. Во всякомъ случаѣ, массажъ долженъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока дитяти не исполнится 1½—2 года. Съ другой стороны, надо слѣдить, чтобы дѣти не усвоили себѣ дурной привычки ковырять въ носу, засовывая въ него платокъ, или просто пальцами.—Уходъ за зубами мла-

денца долженъ также стоять въ числѣ первыхъ предметовъ физическаго воспитанія. Въ дѣйствительности, это самый слабый пунктъ воспитательной системы, ахиллесова пята молодыхъ матерей. Чѣмъ раньше ребенокъ приучается къ чисткѣ зубовъ, тѣмъ оно лучше; сладости и зубная паста должны быть, во всякомъ случаѣ, неразлучны. Среди нашей дѣтвоты наблюдается огромный процентъ зубныхъ болѣзней: не трудно встрѣтить пяти-шестилѣтнее дитя съ испорченными въ концѣ рѣзцами и коренными зубами. Отсюда два важныхъ послѣдствія: нарушеніе правильнаго пищеваренія въ раннемъ возрастѣ и порча новыхъ зубовъ, которые заражаются болѣзнями старыхъ.—Перейдемъ къ купанью ребенка. Оно должно быть обязательнымъ и ежедневнымъ занятіемъ каждой матери. Но изъ десяти молодыхъ матерей едва-ли одной извѣстно, какъ надо купать дитя. Недостаточно положиться въ этомъ на „опытную“ кормилицу. Именно, наемнымъ воспитатель-

2. Капоръ для исправленія ушей.

на немъ, что бы потомъ ни предпринимали родители, крѣпкіе заднимъ умомъ. Искривленные позвонки не станутъ прямыми; вдавленная грудь останется вдавленной; горбъ будетъ всегда тяжкой но-

3. Массажъ носа.

ницамъ обязано большинство дѣтей уродствами и хроническими страданіями организма. Положеніе ребенка въ рукахъ купающей, температура воды и воздуха, продолжительность ванны—все должно

4. Какъ не слѣдуетъ купать ребенка.

5. Какъ слѣдуетъ его купать.

быть предусмотрѣно и соблюдено самой матерью. Принадлежности дѣтскаго костюма надо заранее заготовить невдалекѣ отъ мѣста купанья. Зимой температура воздуха не ниже 18° по Р., температура ванной комнаты — не ниже 27°. Послѣ того какъ дитя распеленали, его кладутъ на колѣни, покрытыя фланелевымъ фартучкомъ, и мылятъ губкой или мягкой тряпкой. Наиболее годное для этого мыло — яичное или иное — гигиеническое. Затѣмъ малютку опускаютъ въ воду, причемъ положеніе рукъ, держащихъ его, должно быть, именно, такое, какое показано на рисункѣ пятомъ: одна рука поддерживаетъ головку и спинку, другая — ножки. Ни въ какомъ случаѣ нельзя держать за животъ (рис. 4), такъ какъ иногда отъ малѣйшаго давления могутъ быть повреждены внутренніе органы. Погрузивши дитя до шеи, отмываютъ другой губкой мыло и вынимаютъ изъ воды, пока послѣдняя не остыла, укутываютъ съ головы до ногъ въ чистую простыню и фланелевое одѣяло, — и

10. Умѣло выращенное дитя.

ней, и потому глаза дитяти необходимо охранять отъ слишкомъ сильныхъ свѣтовыхъ впечатлѣній. Бѣлые зонтики, напримѣръ, съ бѣлымъ же кружевомъ, конечно, очень изящны; но гигиена не всегда уживается съ кокетливой модой, и мы порекомендовали бы отдавать въ этихъ случаяхъ предпочтеніе темнымъ цвѣтамъ, преимущественно зеленоватаго оттѣнка.

Быть англійскихъ студентовъ.

Прохожденіе университетскаго курса у насъ, какъ и въ Германіи и Франціи, является лишь средствомъ для пріобрѣтенія научныхъ знаній, или, вѣрнѣе, научнаго званія, необходимаго для занятій либеральными профессіями. Не то въ Англій: тамъ студенческимъ годамъ придаютъ совершенно иное значеніе; тамъ не связываютъ непосредственно съ университетомъ матеріальныхъ расче-

6. Какъ надо зашивать ребенка.

слегка перебираютъ руками, но не трутъ ими ребенка. — Наконецъ, тѣло его совершенно просохло; тогда матери надо осмотрѣть, нѣтъ-ли на немъ ранокъ или крас-

ноты, и, если таковыя окажутся, помазать ихъ вазелиномъ или кольдъ-кремомъ, а не посыпать порошкомъ, какъ то дѣлалось въ старину. — Пеленаніе ребенка и одѣваніе его — надлежитъ обставитъ всѣческими предосторожностями. Ни рѣзкихъ поворачиваній, ни подыманій нельзя допустить безъ риска для младенца. Заслуживаетъ порицанія старинная метода скрѣплять одежду и пеленки тесемками, пуговицами или даже безопасными булавками. Наиболее рациональнымъ надо признать ту методику, которая рекомендуетъ зашивать младенцевъ въ ихъ пеленки (см. рис. 6). При этомъ способѣ, конечно, нечего бояться ни царапинъ, ни давления узловъ и пуговицъ на тѣло. Нельзя похвалить тѣхъ матерей, которыя наряжаютъ своихъ ребятъ въ платья съ открытой шеей и оголенными руками. Какъ это, такъ и чрезмѣрное укутываніе не можетъ быть полезно. — У новорожденныхъ нерѣдко приходится констатировать неправильности въ строеніи черепа, въ видѣ ли опухолей или искривленій. Иногда такіе дефекты съ теченіемъ времени сглаживаются сами собой. Если же природа не позаботится объ этомъ, то пусть печется о томъ мать. И здѣсь плѣсообразенъ умѣренный массажъ; при умѣломъ и систематическомъ его примѣненіи можно достигнуть полного исправленія формы черепа. Положеніе массирующихъ рукъ показано на рис. 7. — Немногія изъ кормилицъ умѣютъ носить ребенка такъ, чтобы не причинить ему ни боли, ни вреда. Матери, особенно молодыя, забавляются порой съ ребенкомъ, какъ съ куклой, совершенно упуская изъ вида, что мягкое тѣло младенца не обладаетъ еще достаточной крѣпостью и твердостью, чтобы противостоять ушибамъ и толчкамъ. Нашъ рисунокъ (9) изображаетъ правильное положеніе четырехмѣсячнаго дитяти на рукахъ матери. На пятомъ мѣсяцѣ жизни младенецъ долженъ вѣсить вдвое, сравнительно съ вѣсомъ его послѣ рожденія. На седьмомъ — онъ долженъ сидѣть безъ посторонней помощи. На восьмомъ или десятомъ — стоять, не рискуя расквасить себѣ носикъ; и, наконецъ, на двѣнадцатомъ, совершить первое кругосвѣтное путешествіе по комнатѣ. Не слѣдуетъ принуждать ребенка къ ходьбѣ, разъ онъ не чувствуетъ къ ней охоты. Окрѣпшіе мускулы сами возбуждаютъ въ немъ энергію, необходимую для самостоятельнаго хожденія. Пребываніе на чистомъ воздухѣ несомнѣнно благотворно вліяетъ на дѣтскій организмъ. Но не надо и здѣсь впадать въ крайности: палящее солнце или сильный вѣтеръ могутъ легко повредить ребенку. Въ раннемъ возрастѣ чловѣкъ нерѣдко страдаетъ отъ глазныхъ болѣз-

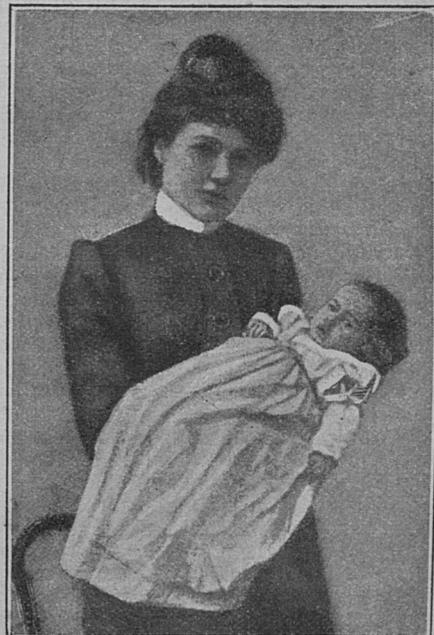

7. Массажъ головы.

товъ; тамъ университетъ вовсе не та неизбѣжная ступень, которую обязанъ перешагнуть всякій стремящійся къ чистой наукѣ или ея практическому при-

8. Такъ нельзя держать ребенка.

9. Какъ должно носить дитя.

ложению. Молодой англичанин, пройдя среднюю школу, вступает въ университетъ, чтобы окончить свое физическое развитие, а, главное, окунуться въ дѣйствительную и самостоятельную жизнь, отъ которой его отдѣляли до сихъ поръ стѣны пансіоннаго или домашняго воспитанія. Такимъ образомъ, собственно научная сторона отодвигается на второй планъ, а приобрѣтеніе большаго или меньшаго запаса знаній зависитъ уже отъ любознательности или прилежанія каждаго студента въ отдѣльности. Чтобы понять, что такое англійскій университетъ, каково его назначеніе и какова роль въ жизни государства, достаточно посѣтить одинъ Оксфордъ,—этотъ первоисточникъ университетской организаціи, хранитель старинныхъ студенческихъ традицій.

Оксфордъ—красивый городъ, который дышитъ тишиной и спокойствіемъ, несмотря на присутствіе въ немъ нѣсколькихъ тысячъ учащихся; онъ состоитъ изъ двухъ частей,—новой, застроенной изящными коттеджами, и старой—средоточіи двадцати двухъ университетскихъ коллегій. Последнія не связаны между собой ни въ административномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи. Онѣ свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ свободны и независимъ каждый взрослый англичанинъ. Но при всемъ томъ, эти коллегіи въ отдѣльности не представляютъ никакой самостоятельной единицы; онѣ сливаются въ одно, имѣютъ лишь одну физиономію, одну сущность—и это единое: университетъ. По внѣшнему же устройству и внутренней организаціи, коллегіи различаются между собой; есть среди нихъ и очень богатые. Такъ, напр., Christ Church располагаетъ ежегоднымъ доходомъ въ полмилліона рублей. Самое зданіе, въ которомъ она помѣщается, поражаетъ своимъ изяществомъ и роскошью. Огромный дворъ пестритъ лужайками и фонтанами; стѣны густо поросли зеленымъ плющомъ, глициніями и розами. Каждая коллегія составляетъ отдѣльную корпорацію, въ ней свои учащіе и свои учащіеся, по большей части всѣ—уроженцы одного округа. Первые коллегіи были основаны въ Оксфордѣ еще при Іоаннѣ Безземельномъ; но хартія, которая легла въ основаніе устава англійскихъ университетовъ, была дана Карломъ I. Во главѣ университета стоитъ канцлеръ, по большей части принцъ королевской крови. Впрочемъ, его должность только почетная; дѣйствительное же управленіе сосредоточено въ рукахъ вице-канцлера, избираемаго изъ числа старшихъ профессоровъ, и небольшого состава чиновниковъ. Каждая коллегія, въ гражданскомъ отношеніи, является частнымъ лицомъ: ей принадлежитъ на правѣ собственности земля и возведенныя на ней зданія; она имѣетъ свой бюджетъ; она оплачиваетъ служащихъ и получаетъ плату отъ учащихся; она выбираетъ своихъ стипендіатовъ изъ недостаточныхъ студентовъ, отмѣченныхъ способностями и прилежаніемъ. Надо замѣтить, что именно эти стипендіаты и составляютъ ядро университетской науки, изъ нихъ-то вербуются вистѣдствіи профессора и члены англійскаго духовенства. Составъ преподавателей въ оксфордскихъ коллегіяхъ двоякій: среди нихъ обыкновенно можно встрѣтить два-три имени, громкихъ въ научномъ мѣрѣ, и много именъ, никому неизвѣстныхъ. Первые читаютъ разъ въ недѣлю лекціи, посѣщеніе которыхъ, однако, не обязательно для студента. Ихъ вознагражденіе простирается до 10—20 тысячъ рублей въ годъ—жалованье болѣе чѣмъ солидное. Второй разрядъ—лекторы, на обязанности которыхъ лежитъ прохожденіе курса. Они распределяютъ свои занятія между небольшими группами, задаютъ уроки и выправляютъ сочиненія студентовъ. Ихъ трудъ оплачивается лишь 3—4 тыся-

чами въ годъ. Англійскій юноша, прошедшій одну изъ public school, вступаетъ въ оксфордскій университетъ въ возрастѣ 18—20 лѣтъ. Большинство студентовъ поселяется въ той коллегіи, гдѣ они намѣрены провести свои студенческие годы, хотя ничто не мѣшаетъ имъ жить и внѣ ея. Полное годичное содержаніе обходится каждому пансіонеру отъ 1½—2½ тысячъ рублей. Установленной формы англійскіе студенты не знаютъ. Въ Оксфордѣ она ограничивается небольшимъ плащомъ и четырехугольной фуражкой, нѣсколько напоминающей головной уборъ нашихъ уланъ. Внутри коллегіи студенты обставлены съ большимъ комфортомъ. Каждому отведено по двѣ комнаты: кабинетъ и спальня; при ней ванная. Мебель дается лишь самая необходимая; остальные украшенія дѣло вкуса и кармана временнаго обитателя квартиры. Распределеніе дня въ Оксфордѣ приблизительно такое: въ восемь часовъ утра студенты встаютъ и идутъ слушать церковную службу. Завтракъ и болтовня заполняютъ время до десяти часовъ. Съ десяти до одиннадцати лекціи. Студентъ одѣваетъ черный сюртукъ и шапочку и отправляется въ аудиторію. Черезъ часъ онъ опять у себя въ комнатѣ и до двухъ—читаетъ или пишетъ, по своему усмотрѣнію, или предается dolce farniente. Въ два часа ленчъ, т.е. обѣдъ, событіе первой, вообще, важности у англичанъ. Послѣобѣденное время предназначено спорту: гребля, крикетъ, лаунъ-теннисъ и верховая ѣзда являются поприщемъ, на которомъ оксфордскіе студенты достигаютъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Вечеромъ—общій ужинъ въ hall. Потомъ—всякій свободенъ дѣлать, что ему вздумается. Половина года проходитъ въ каникулахъ, и тогда студенты разсыпаются въ разные стороны, кто на родину, кто въ экскурсію—увеселительно-научную или просто увеселительную.

Однообразие университетской жизни рѣзко нарушается лишь торжественными церемоніями, которыми обставлено возведеніе въ почетное званіе доктора и награжденіе студентовъ степенью магистра изящныхъ искусствъ. Доктора honoris causa—люди, выдающіеся по своимъ заслугамъ въ сферахъ науки, искусства или политики. Засѣданіе, въ которомъ они награждаются этой почетной степенью, обставлено очень своеобразно. Огромная зала конференціи оксфордскаго университета заполнена профессорами и студентами. Последнимъ отведены крайніе ряды амфитеатромъ расположенныхъ мѣстъ. Виновинокъ торжества облаченъ весь въ красное. Его появленіе сопровождается оглушительнымъ ревомъ. Вице-канцлеръ встаетъ, потомъ садится и, произнеся небольшую рѣчь на латинскомъ языкѣ, предоставляетъ слово официальному оратору, на обязанности котораго лежитъ восхваленіе заслугъ новаго доктора. Чѣмъ долѣе длится хвалебный спичъ, тѣмъ больше насмѣшекъ и издѣвательствъ градомъ сыплются изъ верхнихъ рядовъ на злополучнаго кандидата. Англичане не слишкомъ сдержанны въ проявленіи своей веселости и нерѣдко переступаютъ границы приличія. Остроты, впрочемъ, сопровождаются такимъ добродушнымъ хохотомъ, что кандидату не стоитъ и обижаться. Во всякомъ случаѣ, зрѣлище для посторонняго наблюдателя очень комичное: убѣленный съдиной старецъ-ученый или веселый министръ покорно склоняютъ головы и дѣлаютъ веселое лицо предъ этимъ бурнымъ моремъ студенческой молодежи. „Какъ поживаетъ дяденька Поль (Крюгеръ)? Въ добромъ-ли здоровьѣ Джемсонъ?“—такъ кричали Чемберлену въ день возведенія его въ доктора оксфордскаго университета. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, эти празд-

нства теряютъ свое лучшее качество—неподдѣльную жизнерадостность аудитории, здоровый юморъ и беззаботный смѣхъ. Натянутыя шутки студентовъ новѣйшей формации смѣнили, но не замѣнили ихъ. На слѣдующій день послѣ присужденія степени совершается самая инвеститура—т.е. возведеніе въ степень. По старинному обычаю, не потерявшему и до сихъ поръ своего значенія, именно, въ этотъ день всякій, кто не получилъ отъ кандидата удовлетворенія за обиду или уплаты долга, можетъ явиться въ Оксфордъ и въ знакъ жалобы коснуться мантии канцлера. Если его жалоба основательна и будетъ подтверждена солидными доказательствами, кандидату навсегда преграждается доступъ въ Оксфордъ.—Другое событіе, волнующее не меньше, если не больше, умы оксфордскихъ студентовъ—состязаніе на Темзѣ съ представителями кембриджскаго университета. Каждая коллегія посылаетъ на этотъ конкурсъ по восьми гребцовъ и рулевому Гонки возобновляются въ теченіе семи дней. Въ послѣдній вечеръ, которымъ заканчивается и учебный годъ, побѣдоносная коллегія устраиваетъ генеральную попойку. Тутъ восторги пирующихъ часто переходятъ въ буйство, направленное противъ нелюбимыхъ товарищей. Ихъ движимое имущество представляетъ нерѣдко живописное зрѣлище: оно летитъ черезъ окна, дробится въ куски и снова собирается и идетъ на разведеніе костровъ, пламя которыхъ причудливо озаряетъ бѣснующуюся вокругъ толпу молодежи.—Въ отношеніяхъ же жителей Оксфорда къ студентамъ наблюдается весьма оригинальная подчиненность первыхъ послѣднимъ,—подчиненность, чуждая, однако, всякой принудительности. Традиціи—ли такъ сильны, то-ли, что Оксфордъ только и живетъ университетомъ, такъ или иначе, но похожденія студентовъ не вызываютъ въ горожаняхъ особаго неудовольствія. Надо, впрочемъ, оговориться, что въ общемъ, англійскіе юноши, наполняющіе коллегіи Оксфорда, гораздо болѣе спокойны нравомъ и уравновѣшенны, нежели обитатели, наприм., Латинскаго квартала въ Парижѣ. Но бываютъ роковыя числа въ календарѣ—таково, хотя бы, 5 ноября, когда старые студенты братаются съ новичками, которые до этого времени должны держаться на почтительной отъ нихъ дистанціи. Мирныя улицы Оксфорда оглашаются громовыми пѣснями и криками; цѣлыя когорты студентовъ движутся по нимъ, и горе горожанину, если онъ не успѣлъ поосторониться, либо вздумалъ заявить протестъ: Англія въѣдетъ отечество бокса. Послѣ такихъ „вылазокъ“ въ городѣ наблюдается нѣкоторое время безпорядокъ: фонарные столбы не всегда въ исправности, и надъ тракторомъ нерѣдко красуется вывѣска книжнаго магазина, тогда какъ надпись у входа въ колбасную гласитъ: „здѣсь бреть и стригутъ“. Но все это безобидныя шалости, которыя такъ легко проститъ молодому веселью Университетское начальство рѣдко вмѣшивается въ дѣла студентовъ; еще рѣже оно считаетъ долгомъ предпринять по отношенію къ нимъ нѣкоторыя репрессіи. Стѣнительныя мѣры, однако, не идутъ дальше запрета посѣщенія какого-нибудь бала или обязательнаго постановленія о намордникахъ для студенческихъ собакъ.—Въ такой-то обстановкѣ воспитываются сыны Британіи; отсюда они выходятъ если не съ запасомъ научныхъ знаній, то, по крайней мѣрѣ, съ здоровымъ тѣломъ и крѣпкими мускулами, которые послѣдствіемъ облегчаютъ имъ такую продуктивную дѣятельность, на какую не всегда способенъ чахлый питомецъ материка.

Сонъ и безсонница.

Единогласныя сужденія самыхъ авторитетныхъ представителей медицины давно уже установили такое правило: кто хочетъ быть здоровымъ и прожить много лѣтъ, тотъ долженъ спать не менѣе 7—6 часовъ въ сутки. Сонъ есть лучшее укрѣпляющее средство; самое надежное подспорье въ тяжеломъ трудѣ; источникъ свѣжихъ силъ, умственныхъ и тѣлесныхъ. Недостаточно спать такъ же вредно, какъ и слишкомъ много. Одной мѣры въ этомъ отношеніи установить нельзя: индивидуальныя особенности имѣютъ здѣсь огромное значеніе. Можно назвать цѣлый рядъ извѣстныхъ именъ, которые представляютъ исключеніе изъ общаго правила о нормальномъ снѣ, въ томъ илииномъ направленіи. Такъ, напр., Томасъ Эдиссонъ, неутомимый изобрѣтатель „фоновъ“ и „г афовъ“, спитъ лишь четыре часа въ сутки. Знаменитые полководцы Наполеонъ и Веллингтонъ были одарены способностью спать гдѣ и когда угодно, ровно столько времени, сколько они себѣ назначали. Адъютанты Наполеона разсказывали, что французскій императоръ имѣлъ привычку указывать тотъ часъ съ минутами, когда его слѣдовало разбудить; но исполнить его приказанія въ точности никогда не удавалось, такъ какъ Наполеонъ просыпался самъ, какъ разъ въ назначенную минуту. Наоборотъ, иные—какъ Вольтеръ, Руссо, Джонсонъ, Россини—всю жизнь боролись съ упорной сонливостью, и многое въ ихъ произведеніяхъ, полное мысли и остроумія, создано именно въ этомъ состояніи полусна, полубодствования.

Спать можно не только лежа и сидя, но даже стоя. Извѣстно, что солдаты, утомленные длинными переходами, ухитряются спать на ходу, это подтверждается исторіей: такъ, въ полумертвомъ отъ истощенія отрядѣ сера Джона Мура, отступавшаго къ Корунну, цѣлые взводы покоились въ объятіяхъ морфея, хотя движеніе производилось чуть-ли не форсированнымъ маршемъ. Такіе же случаи наблюдались среди англійскихъ и французскихъ войскъ, во время египетской кампаніи. Наконецъ, лѣтописи велосипеднаго спорта упоминаютъ объ одномъ чемпионѣ, который на многоверстномъ состязаніи блаженно выхрапывалъ за спинами своихъ лидеров. Отъ этихъ видовъ сонливости, происходящей изъ здороваго источника усталости, рѣзко отличаются иныя, патологическія ея формы. Среди черныхъ племенъ, населяющихъ Африку, распространена ужасная болѣзнь—она никого не щадитъ; она нея нѣтъ спасенія. Ея симптомы заключаются въ томъ, что больной чувствуетъ неодолимый позывъ ко сну; сначала онъ борется съ сонливостью, потомъ уступаетъ ей. Мало-помалу, въ немъ происходитъ полное перерожденіе: внутреннее и наружное. Больной теряетъ всякій интересъ къ жизни, становится вялымъ и безучастнымъ ко всему; худоба его увеличивается съ каждымъ часомъ, и послѣ девяти мѣсяцевъ страданій, несчастный засыпаетъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ. Распространеніе этой болѣзни зависитъ, по мнѣнію однихъ, отъ неумѣреннаго употребленія нюхательнаго табаку изъ мѣстныхъ растений; по другимъ версиямъ,—отъ укуса голубого жучка, водящагося въ верховьяхъ Кото, или отъ „мандіока“ (кассава) растенія, которое, кажется, замѣняетъ чернокожимъ опій. Такъ или иначе, но послѣдствія отравы ужасны, особенно потому, что она можетъ таиться въ организмѣ цѣлыми годами и только впоследствии—проявить свою силу.

Не менѣе гибельна для человѣка

безсонница. Какъ долго человѣкъ въ состояніи не спать? Едва-ли больше трехъ сутокъ подрядъ. На четвертая, обыкновенно, наблюдаются признаки психической ненормальности. Бываютъ, конечно, исключенія: такъ, капитанъ одного военнаго судна, застигнутого страшнымъ штормомъ, провелъ девяносто шесть часовъ, не сходя со своего мостика и не смыкая глазъ. Но въ данномъ случаѣ, такая выносливость природы могла протекать изъ чрезвычайнаго подъема нервовъ, вызваннаго, въ свою очередь, сознаниемъ долга и чувствомъ самосохраненія. Гораздо труднее было выйти изъ такого же испытанія эдинбургскому врачу Роберту Штейну, тѣмъ болѣе, что онъ предпринялъ его единственно изъ любви къ наукѣ. При помощи различныхъ возбуждающихъ снадобствъ, этотъ врачъ бодрствовалъ 15 дней и ночей. На шестнадцатыхъ суткахъ онъ уснулъ, и сонъ его длился 72 часа. Наука, такимъ образомъ, обогатилась рѣдкимъ опытомъ. Зато смѣлый ученый всю остальную жизнь страдалъ отъ самой жестокой безсонницы.—Еще горше была участь американскаго миллионера Эдуарда Бэна. Въ молодости своей этотъ крѣзь, какъ и многие другіе его соотечественники—богачи, служилъ простымъ приказчикомъ въ желѣзной лавкѣ. Задумавъ достигнуть богатства, Бэнъ рѣшилъ соблюдать всяческую экономію; сонъ представлялся ему излишней роскошью. Онъ сталъ систематически уменьшать количество времени, употребленное имъ для сна. Къ идеалу своему онъ приблизился, и нажилъ капиталъ. Но чѣмъ богаче становился онъ, тѣмъ длиннѣе казались ему ночи. Лучшіе врачи не могли ему возратить здороваго сна. Съ этихъ поръ существованіе миллионера было сплошной пыткой. Единственное, что помогало ему отъ безсонницы—былъ шумъ. Подъ грохотъ биллиардныхъ шаровъ, катаемыхъ специально назначеннымъ для того слугою, или подъ дребезжанье и звонъ самой тряской кареты, скачущей по дурнымъ мостовымъ, онъ забывался на нѣсколько минутъ, чтобы вскорѣ опять очнуться и снова страдать безъ конца. Только, однажды, ему удалось крѣпко уснуть... да и то—безиробудно.

СТУДЕНЧЕСКАЯ „САЛАМАНДРА“.

Въ Боннѣ много разъ была провозглашена „саламандра“ за здравіе новаго члена корпораціи „Боруссовъ“—германскаго кронпринца. Откуда заимствованъ нѣмецкій языкъ это странное слово? Оказывается, первоисточникъ его въ восточныхъ нарѣчіяхъ, а ближайшимъ образомъ, оно взято изъ итальянскаго. За Альпами говорятъ: „far i suoi salamaleschi“, т. е. будьте здоровы. Это выраженіе, въ свою очередь, не что иное, какъ „селямъ-алейкумъ“ благочестивыхъ магометанъ. Итальянцы же говорятъ: mandare un saluto. И вотъ изъ соединенія двухъ выраженій и образовалась salamandra.

Развитіе моторнаго производства.

Вглядываясь въ характеръ современной общественной жизни, мы замѣчаемъ торопливое стремленіе къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ всякаго рода, пытлиую дѣятельность ума, жаждущаго развѣрить все ту же проблему извлеченія возможно большихъ выгодъ при наименьшей затратѣ труда и капитала. Колоссальное развитіе всѣхъ видовъ промышленности въ послѣдніе десятилетия, конкуренція не на животъ, а на смерть

образованіе трестовъ—все носить отбѣнокъ лихорадочной поспѣшности, бѣшеной скачки съ препятствіями. Такой спѣшки, такого ажютажа не знали мнѣвшіе вѣка. „Не скоро бѣли предки наши“, не скоро рѣшали они дѣла коммерческія и семейныя, еще медленнѣе того бѣдили въ возкахъ грузныхъ, неповоротливыхъ, какъ сами владѣльцы ихъ. Бывало, съѣдугея два такихъ экипажа на широкомъ почтовомъ трактѣ, и сколько крику, возни и тревоги, пока они разминутся! А нынче—взгляните на узкія улицы столицъ, окаймленные пятиэтажными домами; какъ въ муравейникѣ копошатся сотни прелетокъ, каретъ, телегъ, мелькаютъ велосипедисты, съ рѣзкимъ звономъ гремятъ конки и омнибусы. Всякій держится нужнаго ему направленія и даетъ другому, дорогу, искусно лавируя среди волнъ этого шумнаго моря. Очевидно, мы постигли уже тайну берегати денги, т. е. время, которое такъ непроизводительно тратилось предшествующими поколѣніями. Но остановитесь на добытомъ, удовольствоваться прибрѣтеннымъ, значить идти назадъ, тогда какъ жизнь неудержимо стремится все впередъ, къ призранию мелькающему въ туманѣ совершенству. Еще недавно мы восторгались поѣздами жел. дороги, которые дѣлали по 15—20 верстъ въ часъ. Сегодня, выглядывая изъ окна курьерскаго поѣзда, развивающаго четверо большую скорость, мы съ досадой говоримъ: „ахъ, какъ медленно, какъ долго!“ Техника усиленно работаетъ въ одномъ и томъ же направленіи: надо дать людямъ возможность передвигаться быстро, безшумно, въ любомъ направленіи, удобно и дешево. И вотъ, на ряду съ успѣхами воздухоплаванія, мы видимъ и быстрое развитіе области сухопутнаго сообщенія: послѣднее слово науки, начинающее собою, быть можетъ, длинную главу, гласитъ намъ: „моторъ“. Да, мотору, повидимому, суждено замѣнить и лошадиную силу, уже потому, непрактичную, что это сила живая, и паровозъ, несовершенный въ своемъ вѣчномъ рабствѣ передъ рельсовой колеей.

Мысль о моторныхъ двигателяхъ не нова, но когда, именно, она впервые нашла приложеніе на практикѣ—сказать трудно. Къ началу семидесятыхъ годовъ, мы, однако, начинаемъ разбираться въ слѣдахъ, до той поры неясныхъ и спутанныхъ. Въ Парижѣ—Ленуаръ, въ Вѣнѣ—Зигфридъ Маркусъ одновременно соорудили автомобили, но практическихъ результатовъ не достигъ ни одинъ, ни другой. Оба были типичными изобрѣтателями: въ ихъ умахъ смѣнялись сотни идей съ такой быстротой, что ни одна изъ нихъ не вылилась въ болѣе или менѣе совершенную реальную форму. Между тѣмъ, моторное движеніе было предметомъ изысканій и германскихъ ученыхъ. Послѣднимъ, въ лицѣ Карла Бенуа изъ Мангейма и Г. Даймлера въ Каннштадтѣ, удалось достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Послѣ долгихъ трудовъ, они примѣнили свое изобрѣтеніе къ велосипеду, двигавшемуся при помощи бензиномотора со скоростью 7—8 миль въ часъ. Затѣмъ они перешли къ типу трехъ и четырехколесныхъ экипажей такой же системы, совершенствуя и устройство механизма, и внѣшнюю отдѣлку. Успѣхи германцевъ не остались незамѣченными во Франціи. Тутъ ужъ автомобильное производство было сразу поставлено на широкую ногу: затрата большихъ капиталовъ и неистощимая энергія изыскателей поставили, въ скоромъ времени, французовъ во главѣ моторнаго движенія. Но бензиномоторъ, однако, не нашелъ сочувствія во Франціи; по почину Серполлета, возвратились къ старому типу двигателей—паровому, и въ 1888 г. въ Парижѣ появилась первая мо-

дель. Она представлена на нашемъ рисункѣ. Сидѣнье

не еще дѣло времени, хотя опыты съ жидкимъвоздухомъ, съ которыми мы такъ подробно познакомили читателей въ прошлыхъ нумерахъ „Огонька“, и въ этой сферѣ давали удовлетворительные порой результаты.

Автомобили найдутъ широкое поприще въ современномъ быту нашемъ. Какъ перевозочныя средства, они замѣняютъ путешествующимъ вагоны желѣзныхъ дорогъ, кареты — врачамъ и адвокатамъ, изящные выѣзды — дамамъ. Въ хозяйственной жизни они будутъ такъ же, если не болѣе еще полезны. Тамъ, гдѣ нѣсколько лошадей мучительно напрягаютъ силы, чтобы вытянуть на подъемѣ тяжелый возъ, моторъ въ 8, 10, 20 лошадиныхъ силъ управится одинъ, безъ шума и безъ хлопотъ. Надо думать, что и въ сельскихъ работахъ онъ сослужитъ свою службу, приспособленный къ плугу, сѣялкѣ и косилкѣ.

Быстрота движенія моторовъ можетъ быть доведена до пятидесяти, восьмидесяти и ста километровъ въ часъ. Это достоинство имѣетъ двойную цѣну въ связи съ легкостью управления. Достаточно нажать рычагъ, и автомобиль начинаетъ двигаться; поворотъ тормоза, и онъ останавливается на всемъ ходу. Такимъ образомъ, моторъ даетъ возможность и летѣть сломя голову, по гладкой, шоссейной дорогѣ, не боясь неожиданной встрѣчи, и быстро лавировать среди уличной сумятицы большихъ городовъ, то ускоряя, то замедляя ходъ, извиваясь, подобно змѣѣ, среди рядовъ экипажей и трамваевъ.

Въ нашемъ отечествѣ, не слишкомъ богатомъ желѣзнодорожными линиями, автомобили могли бы быть чрезвычайно полезными, облегчивъ доступъ въ такіе глухіе углы, откуда не часто теперь выбирается обыватель на свѣтъ Божій.

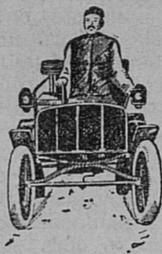

Лига женщинъ — противницъ алкоголя.

Въ Америкѣ все и всѣ заняты подвигами новой героини Карръ Натіонъ, которая стала во главѣ женской лиги, задавшейся цѣлью побороть пьянство, а

винныя лавки, а порой совсѣмъ отказываться

Китайскій посланникъ въ Вашингтонѣ.

отъ этого занятія, такъ какъ частыя тревоги сильно вредятъ торговлѣ и дѣлаютъ ее убыточной. Женщины сопровождаютъ ихъ мужья и родственники, чтобы охранить отъ насилія. Но когда владельцы тракторовъ отказываются подчиниться требованіямъ лиги стокъ, происходитъ обыкновенно свалка, въ которой мужья принимаютъ участие, далеко не оборонительное. Полиція не препятствуетъ этому движенію. Въ крайнихъ случаяхъ, Карра Натіонъ подвергается аресту, но, на слѣдующій же день освобожденная, она возобновляетъ свои подвиги, съ удвоенной настойчивостью.

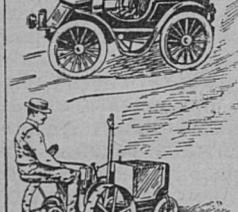
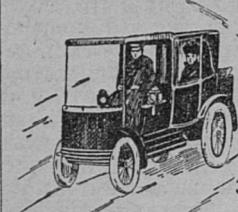

Китайское ружье.

Во время усмиренія боксеровъ американскимъ солдатамъ удалось захватить винтовку, которая носила техническое названіе „ружье для трехъ“. Оно напоминало тотъ типъ вооруженія, которое было принято въ европейскихъ арміяхъ семнадцатаго столѣтія. Длина его — восемь футовъ, всѣ — 35 англійскихъ фунтовъ. Двое стрѣлковъ его держатъ, а третій наводитъ и стрѣляетъ. Курьезнѣе всего то, что система диковиннаго ружья — маузеровская, т. е. самая усовершенствованная Китайцы — неисправимые ретрограды и даже въ достояніе техники послѣднихъ дней стараются хоть что-нибудь внести изъ добраго, стараго времени.

- 7. Эдуардъ VII на прогулкѣ.
- 8. Вагонъ для дальнихъ сообщений.
- 9. Экипажъ для увеселительныхъ поѣздокъ.
- 10. Онъ и она.
- 11. Серпюлетъ 1888 г.
- 12. Вагонъ для скота.

Развитіе моторнаго производства.

- 1. Германскій императоръ на автомобилѣ.
- 2. Кушъ.
- 3. Омнибусъ.
- 4. Voiture de luxe.
- 5. Моторъ — серпюлетъ.
- 6. Колеса.

Америкѣ и Франціи въ большемъ ходу — спиртъ и нефть. Но идеальнымъ образчикомъ изъ всѣхъ разрядовъ надо признать электромоторъ. Однако, распространенію этого вида двигателей препятствуетъ то обстоятельство что для исправности машины необходимо обиліе источниковъ электрической энергіи въ данной мѣстности. Иначе, электричество можетъ измѣнить мотору, и онъ остановится въ пути. Съ другой стороны, свинцовые аккумуляторы, сами по себѣ, представляютъ значительный вѣсъ, и слѣдовательно, часть работы мотора уходитъ на преодоленіе собственной тяжести. Вотъ почему употребленіе электромоторовъ пока ограничено чертой города, между тѣмъ какъ бензинные двигатели бороздятъ на Западѣ шоссейныя и проселочныя дороги. Что касается моторовъ съ сгущенными газами, то ихъ примѣне-

на первыхъ порахъ, истребить всѣ винныя лавки, существующія по милости алкоголизма. Это движеніе въ Новомъ Свѣтѣ беретъ начало еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Оно имѣетъ религіозную подкладку, и послѣдователи его придаютъ своимъ мѣропріятіямъ видъ настоящаго крестоваго похода. Не ограничиваясь одними поученіями и лекціями, американскія женщины, со свойственной имъ расѣ безстрашной энергіей, окружаютъ питейныя заведенія и сначала увѣщаніями, а затѣмъ и воинственными, угрожающими криками заставляютъ владѣльцевъ заперать